

Наталия Воробьева

ФАНТОМ

ЖИЗНЬ БЕЗ ГРАНИЦ

Она открыла глаза, чуть приподнялась на локтях, и взгляд мгновенно утонул в зелено-желтом мареве увядающей за окном листвы. Попыталась вспомнить оборвавшийся предутренний сон и не смогла. В последнее время ей редко удавалось восстановить в памяти те бессвязные видения, которые тревожили ее по ночам. Наверное, это самая настоящая старость, промелькнуло в голове. Все идет к концу, и вовсе незачем забивать себе голову всякой чепухой вроде ночных сновидений. Лучше заставить себя подняться и проделать в темпе привычный и давно устоявшийся утренний ритуал, после чего можно спокойно отправляться на работу.

Ее по-своему устраивало нынешнее положение дел: неполный рабочий день, свободный присутственный график, счастливое обитание практически почти что "в вакууме". Ни особых обязанностей, ни неизбежно возникающих в любом коллективе разногласий. Время, проведенное на работе, впервые в жизни не имело для нее какого-то определенного цвета, вкуса или запаха. Скорее можно было бы говорить о некоем эрзаце, впрочем, душе на новом месте работы было вполне комфортно.

Она даже не заметила, как за всеми этими размышлениями, вскочила с постели, быстро собралась, выпила кофе, позванивая ключами, заперла наружную дверь, сбегала по ступенькам с четвертого этажа и стремительной походкой зашагала к метро сквозь московскую осеннюю морось. Вот и октябрь на дворе. Осень, осень.

Сразу вспомнились строки одного из ее любимых литовских поэтов: "Всё осенью оборотилось, узкая морщина – день, сквозь пелену дождя вокруг мерцают тускло лица, и скоро вздохи всё заволочут, а цвет похитит тень, но на ветвях еще порою расцветает птица..."

Как же она когда-то любила это удивительное время золоченой листвы, тихой печали, потаенного света, душевного подъема и непонятной веры в себя. Не случайно именно осенью, в ноябре, ей была дарована жизнь. На

душе сразу сделалось тепло от нахлынувших воспоминаний о небольшом провинциальном городке послевоенной поры, о деревянном доме на самой окраине Шяуляй, о детстве, о навеки утраченных близких и родных.

В последнее время она с каким-то надрывным упорством и одержимостью вспоминала разные полузабытые события, факты, детали, ощущения той шяуляйской поры, анализировала, сравнивала, словно восстанавливала историю своего рода или проводила частное расследование наподобие проницательной старушки мисс Джейн Марпл.

Да, конечно, все эти сорок лет, прошедшие со дня смерти отца, его пепел неустанно стучал в ее сердце, как бы призывая рассказать его историю. Человека. Писателя. Она знала и свято помнила о своем долге перед ним, но ей не хватало мужества сесть за стол и начать свой рассказ, свое повествование, не обретя веры в собственный талант. Была убеждена, что здесь мало быть любящей дочерью, добросовестным свидетелем бытия близкого человека, единомышленником, наконец истовым любителем словесности и в какой-то мере одаренной личностью, чтобы писать о таком человеке, как отец, требовался истинный талант в прямом смысле этого слова. И если уж совсем честно, вряд ли она им обладала. Нет, она не боялась писать "в стол", просто не была готова сделать это достойно.

Московские просторы с увядающей природой, с хлюпающей под ногами осенней жижей, прошитые колкими назойливыми капельками сеющегося дождя рождали в ней чувство гнетущей тоски, непонятной, беспричинной, по сути ничем не обоснованной, заставляя снова и снова сожалеть о когда-то сделанном шаге, о бегстве в новые дали, о которых так одержимо мечтали чеховские три сестры. Впрочем, разве у нее тогда был выбор.

Внутри постепенно нарастало желание вновь куда-то устремиться, сбегать от привычной рутины, спрятаться, затаиться, наперекор всем разумным доводам, реалиям действительности вдруг взять да и в е р н у т ь с я, вернуться туда, куда человеку, как правило, не суждено возвращаться в его земной жизни.

Вот и отец вернулся на свою Курщину только после смерти. После того, как пролежал под кладбищенскими соснами на пригорке Антакальнисского кладбища в Вильнюсе ровно двадцать лет. Можно только по-хорошему позавидовать, порадоваться за человека, если ему все-таки удастся вырваться из бесплотной пустоты и вернуться к истоку всего сущего.

Запоздалая встреча отца со своей утраченной по воле судьбы родиной выстрадана, оплачена контузией на поле боя под Москвой, унижением и страданиями в плену, сначала на территории России (Ржев, Клин, Смоленск), затем уже в Латвии (Саласпилс) и Литве (Каунасский IX форт, Шяуляйский лагерь для военнопленных), тремя попытками бегства из немецкого плена (последняя была удачной!), долгими годами непризнания, непонимания, отчужденности и тоски по утраченному навеки отчужденному дому, степному ветру, напоённому запахами трав и злаков, крутому склону оврага, по которому так весело сбегалось вниз, к маленькой серебристой речушке и, конечно, по особому южному говору, по удивительным курским речениям, заветным словам-словечкам, ставшим настоящим оберегом для отца и на войне, и в плену, и в его жизни одинокого изгнанника на чужбине.

Он принял этот озерный лесистый край с его удивительным смолянистым сосновым духом в свое сердце, ему нравились местные люди, несчетные, обстоятельные, работающие, с чувством внутреннего достоинства не на показ, бережно сохранявшие свои национальные традиции, красоту и покой в себе и вокруг себя.

Возможно, по-своему отец был несказанно благодарен этому неожиданному повороту судьбы, спасшему его от гибели в немецких лагерях или от ожидавшей его расплаты за пленение у себя на родине.

Это сегодня, уже со стороны, спустя многие-многие годы, можно неторопливо (насколько хватит собственной жизни!) разгадывать таинственные знаки ниспосланных кем-то свыше встреч и обретения родства на перепутьях людских дорог.

Их семья вообще собиралась воедино – по человеку из разных земель – скорее всего каким-то чудаком-заговорщиком. Не иначе, как это именно он заморочил всех будущих домочадцев, добровольно они, может быть, и не согласились бы на подобное воссоединение. Взял да и отыскал где-то на немецких просторах прабабушку Анну Фридриховну Лямпке, высокую, статную, с гордо вскинутой головой и жестким характером, забросил ее в Ригу, в Латвию – получите! – прямо в дом к латышу Янису Дзенису, где потом, в свое время, родится дедушка с маминой стороны Виктор-Янис Янович Дзенис. Увидеть прабабушку-немку, правда, не довелось. А вот другую прабабушку Ульяну маленькая Наташка видела не однажды и даже сидела у нее "на закорточках", когда они возвращались из церкви в Шяуляй, взбираясь в горку. Прабабушка Ульяна приезжала к ним из Питера, Ленинграда, такая маленькая, сухонькая, с седой косичкой на голове и с

удивительно добрыми светло-голубыми глазами. А Наташка – эдакий румяный крепыш – нагло забиралась ей на спину и командовала: "Неси меня!". Никакие увещания бабушки Марии не помогали, прабабушка Ульяна покорно тащила маленькое чудовище вверх по узкой тропке.

Бабушка Мария Николаевна Фоканова родилась в Петербурге в семье потомственных путейцев в 1899 году. Закончила учительскую семинарию, прекрасно пела, хвасталась, что исполняла партию Антонины в опере "Иван Сусанин" на какой-то театральной сцене. Да и дедушка латыш познакомился с нею в театре и очень скоро умыкнул ее в Ригу. Она вошла в довольно состоятельную семью, в большой богатый дом с хорошо отлаженным хозяйством, с батраками, с раз и навсегда заведенным порядком на немецкий манер благодаря стараниям Анны Фридриховны, да и немецкая речь в этом доме звучала довольно часто. Бабушке Марии Николаевне – очень русской по духу – так и не привились многие "барские замашки" ее латышско-немецкой родни, хотя она всю жизнь прекрасно готовила, шила, вязала, постоянно наводила порядок в доме и вдобавок пела в церковном хоре. И, конечно, рожала детей, выжили только трое: Валентин, Виктор, Вера. Но это всё уже в Шяуляй, в ее автономной жизни.

Времена менялись на глазах. Жизнь складывалась по-разному, хватало и разочарований, и невзгод, и несчастий. Маленьких, семейных раздоров и больших, вселенских потрясений. Революций, войн. В конце концов жизненные перипетии забросили эту странную парочку – петербурженку и рижанина – в Литву, в Шяуляй. Так появилась первая маленькая вешка на жизненной дороге Наталии. Кто-то застолбил для нее это место во Вселенной.

А где-то далеко-далеко, на Курщине, в это самое время веяло теплым степным ветром и пахло гречишным медом, чабрецом, разнотравьем, и там красавица Марина Костина голосила свои песни, сводя с ума окрестных парней. Ей суждено выйти замуж за Дмитрия Матвеевича Воробьева, а пока он будет биться с врагом на фронте, она возьмет да и родит "нечейного сына", дав ему имя Константин, Костик (наверное, от своей фамилии), навечно обрекая его на муки безотцовщины и разгадывание тайны своего рождения. Так на хуторе в Нижнем Реутце, в сердце России, где тучная плодородная земля так щедра на красоту и нескончаемые беды, появился тот, кто станет отцом Наталии.

Он еще почти десять лет будет носиться с ватагой мальчишек по окрестным полям и степям, пока в тихом литовском городке на Ивовой улице

появится на свет светловолосая девочка с карими глазами – Вера, Вероника Дзените... Она будет расти в холе и тепле, в любви и заботе, будет учиться в гимназии, будет мечтать о любви и вести вечерами с подругой Зиной задушевные девичьи разговоры. Говорить она будет по-литовски лучше, чем по-русски. Но однажды ей приснится странный сон про какого-то "русского", высокого и очень красивого, она напишет об этом в дневнике... Кто водил тогда её рукой, интересно?

Так на удивление просто и в то же время невероятно сложно подбиралась для Наталии ее будущая семья и ее будущее место рождения. И она никак не сумела поучаствовать в этом странном раскладе, предотвратить грядущие несчастья или хотя бы чуть-чуть смягчить удары судьбы.

В преддверии зимы, стужи, снега, этой долгой изнурительной спячки, какого-то монотонного промозглого существования совершенно не хотелось ворошить прошлое, глубоко вдаваясь в потаенные подробности жизни исчезнувших в пространстве родных и близких, отыскивая всевозможные несовпадения и нестыковки в судьбе каждого, не хотелось погружаться в историю своего угасающего рода в тот момент, когда тебя с головой накрыло беспросветной печалью. Возникло убеждение, что раз отцу не суждено было дописать свою последнюю повесть "И всему роду твоему...", значит, так все должно и оставаться для большого мира – а ей дозволено разве что набросать легкими мазками портреты ушедших, и пускай для самых любознательных их вдруг невзначай расцветят солнечные блики или отблески зари. Любое упоминание о близких, чьи лица размыты временем, отныне только вскользь, пунктиром, все слова – мимоходом, на лету, наобум. Когда распутываешь неподдающиеся узелки в истории своего рода, недомолвки – замечательная приманка!

Она уже давно поняла, что писать о таком человеке, каким был ее отец, надеясь всерьез на удачу – невероятная глупость, ну, а упражняться в славословии – кощунство. Вот почему неистовое многолетнее желание Наталии "рассказать правду", соединив все разрозненные свидетельства, собственные и чужие, так и не нашел своего воплощения. Только эмоции, только внезапные озарения, только спазм в горле, больше ничего не удалось сделать для этого удивительного человека с его удивительной судьбой. Впрочем, может быть, он уже сам поведал миру о себе все, что хотел – в книгах.

Ей всегда представлялось, что именно запекшиеся сгустки нечеловеческих страданий и мук, пережитых отцом в детстве и юности,

спровоцировали в 55 лет раковую опухоль в его мозгу, чтобы зачем-то еще раз воочию явить жестокость и несправедливость мира, показать, насколько уязвимы в нем правда, добро и красота. Неужели только так устрасив человека, можно обратить его взор к Богу?!

Какое обидное заблуждение! Своеобразное бессилие высших сил...

"Жизнь – благо, и бремя ее легко" – вот что в конце жизни написал отец, вот какую главную мысль вынес из своего житья-бытья. Наталия твердо знала, что неся в течение всей своей жизни постоянные потери, отец все-таки вышел победителем.

Вопреки предсказаниям зима выдалась на редкость теплой и бесснежной. То и дело накрапывало. Иногда и вовсе лило. На Новый год Наталии удалось съездить с мужем в Вильнюс и повидать всех "своих". Любимых, родных, понимающих. Последних из могикан.

Они сидели в уютной квартире Паши и Люси Рубиных на улице Ригос в Вильнюсе, пили коньяк, обменивались подарками и скупыми новостями, беспричинно улыбались, на ковре благостно развалился Чарли, пес изрядно постарел, поседел, прямо как человек, проживший долгую нелегкую жизнь. По всему чувствовалось, что ему хорошо с этими людьми, верными, надежными, сентиментальными в меру и очень соскучившимися друг по другу.

Так бывало всегда: пока они вели телефонные разговоры по межгороду, их переполняли разные чувства, будоражили воспоминания, они перебивали один другого, стремясь рассказать самое важное, поделиться чем-то дорогим и щемящим душу. А вот когда встречались вживую, все шло обычным чередом, застолья сменялись прогулками по вильнюсским заветным местам, пробежками по магазинам. Да и болтали больше о привычных, обыденных вещах, словно боясь выдать свои настоящие потаенные мысли. Высказать то, о чем на самом деле и не говорят – об одиноком нескончаемом блуждании в поисках утраченных мгновений собственной жизни, о страхах и дурных предчувствиях, о с трудом преодолеваемой боли, которая раздирает сердце с каждым днем все сильнее, о любви и привязанности друг к другу, о неизбывной тоске по отчужденному дому, который стоит где-то на краю света, заброшенный и пустой. Впрочем, иначе они не могли, не умели, понимали, что пафос в человеческих отношениях это или дурновкусие, или намек на неискренность.

Навестили все здешние могилы, Наталия зажгла поминальную свечу на общей могиле ее дедушки Виктора Дзениса, он ушел давно, в 1961 году; бабушки Марии Дзенис, умершей в Москве в 1980 году в их скромной квартирке на Радужной улице после трехлетних мучений из-за болезни; дяди Валентина Дзениса, утонувшего совсем молодым в озере близ Шяуляй в 1945 году прямо перед ее рождением; дяди Виктора Дзениса, талантливого спортсмена, тренера литовской женской баскетбольной команды "Жальгирис", загубленного, увы, пагубным пристрастием. Наталия в глубине души страшно стыдилась того, что она не ухаживает за могилой, редко ее навещает в силу сложившихся обстоятельств и давным-давно переложила эту обязанность на плечи других замечательных людей Лаймы и Владаса Пашкявичюсов, старинных своих знакомых. Лайма вообще была подругой детства, раньше дружили их бабушки, дружили их мамы, потом они сами и их дети. Как невероятно прочны иногда человеческие связи! Ни расстояния, ни болезни, ни национальные или социальные предрассудки не силах разрушить их! Вот и Лайму с Владасом, людей очень занятых, успешных, погруженных с головой в дела, в семейные заботы, в жизнь своих двух дочерей-умниц Эдиты и Эглуте, в возведение большого замечательного дома и чудесного сада, Наталия по сути не могла отблагодарить ничем и никак. Ни словом, ни делом, ни подарком – разве что чувством, памятью, искренней привязанностью. Когда Наталия пыталась завести какой-то разговор на эту тему, в ответ Лайма просто говорила, что Виктор Дзенис – ее крестный и этим все сказано (среди Дзенисов были и католики, и православные).

Надо заметить, судьба в свое время выхватила своим зорким глазом Люсю, Лайму и Владаса из череды людей, с которыми общалась Наталия, и свела их на свадьбе Наталии и Юрия в Вильнюсе в далеком 1967 году, Люся с Владасом были тогда их свидетелями. Кстати, именно отец предрек Владасу большое будущее, надо сказать, его предсказание полностью сбылось.

В этот приезд они с Юрой и Люсей навестили загородное поместье четы Пашкявичюсов, Люся была за рулем и во всей красе смогла продемонстрировать и свое водительское мастерство, и свое человеческое упорство в одолении сложного маршрута под дождем на мокрой дороге. Все они довольно долгое время не встречались, не пересекались нигде между собой, не сидели вместе за столом, так как жизнь разбросала их по разным городам и весям, каждому послав его собственные дела и заботы, жестко очертив круг обязанностей и определив ту высоту, которую каждому суждено набрать в полете.

И вот теперь пришло время свидеться, удивиться друг другу и спросить совсем как у Александра Грина: "Как вы там на темной дороге?.."

Возникшие поначалу легкое замешательство, некоторая оторопь, внешняя отдаленность, отчужденность из-за долгой разлуки легко и быстро рассеялись за столом. Пожалуй человек так ничего и не придумал стоящего, кроме застолья, для того, чтобы между людьми завязалась душевная беседа.

Они сидели за обильно накрытым столом в прекрасном, изысканно обустроенном доме, которым можно только гордиться, за окном медленно проплывали отяжелевшие от влаги сумерки, и сердце Наталии, уже давно выпорхнув воробышком из груди, неслышно весело чирикало где-то под потолком.

Так бывало всегда. В Москве, в Курске, в Вильнюсе, в Питере, в Таллинне, в Риге, когда она сидела в кругу тех, кого считала своими друзьями и кого до беспамятства любила. Высказать точными словами всепоглощающую нежность и какую-то смутную непонятную печаль одновременно, которые обычно накрывали ее с головой в минуту сердечного единения, на самом деле редко удавалось.

Все самое важное надежно запрятано, сокрыто в глубинах нашей души. Может быть, когда-нибудь потом, позже... Что-то приоткроется, что-то проступит в темноте... Не здесь и не сейчас.

Они уезжали из этой сказочной усадьбы в растрепанных чувствах, разомлевшие, размягченные, благостные внутри и снаружи. До будущих встреч, друзья, и до новых странствий "по волнам памяти"!

Если со всем тщанием вникнуть, вдуматься во все пересечения, сплетения человеческих судеб на вселенских перекрестках, во все эти "жизни спутанные нити", как писал поэт, то обязательно обнаружится странная закономерность, заставляющая уверовать в то, что и сирых, изрядно истерзанных всяческими невзгодами и неудачами людей, жизнь все-таки не обходит счастьем. Счастьем дружбы, приязни, общения.

Обязательно найдется и в Вильнюсе, и в Москве, и в Курске, и в Питере, и в Таллинне, и в Риге несколько окон, которые святы в ночи дальними спасительными маяками. Кто-то всегда может внезапно окликнуть тебя на темной дороге из этого окна.

С Наталией такое случалось. На берегу реки Нерис в районе Жверинас стоял еще один чудесный дом – настоящее родовое гнездовье Маченасов-Жирыковых, с потрясающим садом, заложенным еще отцом трех – нет, не чеховских! – вильнюсских сестер: Людмилы, Марии и Юлии. Юлия и была женой Олега Жирыкова, импозантного удачливого мачо и одновременно вечного старателя, работника в настоящем смысле этого слова, быстрого, легкого на подъем, скорого на любые трудные решения, всем своим существом устремленного вперед, в будущее.

Наталия дружила с Людмилой, Людой, Лючей, Людочкой – на редкость хорошо сложенной, миниатюрной, хрупкой, отсюда и уменьшительное ее имя, бывшее в ходу. Они вместе работали какое-то время в вильнюсской библиотеке и их связывали годы совместных пеших прогулок по городу, эдаких "философских блужданий" в прямом и переносном смысле слова, потому что данные променады неизбежно начинались и заканчивались нескончаемыми разговорами на разные историко-литературно-искусствоведческие темы. Бродили без усталости по узким старым улочкам, говорили, размышляли, спорили. Теперь Людочка уже более шести лет жила в Бельгии, в Брюсселе. На этот раз ее и Натальин приезд в рождественскую пору в Литву удачно совпали.

Родовой дом Маченасов был основательно перестроен после случившегося пожара в 90-х годах, и первое время местные жители специально приезжали сюда, чтобы полюбоваться на столь безукоризненное в архитектурном смысле строение. Тогда еще только-только начинался строительный бум в республике, недавно восстановившей свою независимость, надо сказать, проект оказался весьма удачным и выдержал проверку временем, дом по-прежнему радовал глаз чистотой линий и удивительной гармонией с окружающей природой. Что касается детально продуманного ландшафта, всего этого впечатляющего растительного благолепия вокруг, то в этом главная заслуга, конечно, Юлии. Именно она в большей мере принесла на алтарь красоты все свои врожденные таланты замечательного дизайнера, рачительной хозяйки и неутомимой труженицы.

Вот и на этот раз они с Люсей забрели сюда, как говорят, "на огонек", чтобы выпить чашку ароматного чая со свежееиспеченным Юлей пирогом и посидеть за разговорами часок-другой в хорошей компании за большим овальным деревянным столом в просторной столовой. С едкой иронией Наталия в такие минуты мимолетно вспоминала про свой убогий интерьер в

московской пятиэтажке. Не сравнивая, просто невольно констатируя факты собственного существования. Как говорится, за что боролись.

Еще один чудесный человек, общением с которым Наталия невероятно дорожила, жил в Вильнюсе. Это была Бируте Кульните, директор Национального музея Литвы.

В ее ведении находились замечательные архитектурные исторические памятники Литвы, столь любимые туристами достопримечательности – в основном образцы готического стиля: башня Гедиминаса, являющаяся по сути визитной карточкой Литвы, Тракайский замок, старинная крепость, построенная на острове посреди озера, большие католические соборы и малые храмы, старые оборонительные сооружения, этнографические музеи народного и крестьянского быта, отсюда и постоянное общение Бируте с музейщиками, археологами, архитекторами, художниками, этнографами, историками, людьми самых разных профессий, искателями приключений, старинных кладов, а также любых свидетельств прошлой жизни своих предков, дотошными разгадчиками-толкователями исторических событий и фактов. Это многолетнее глубинное погружение в историю своего края, проникновение в потрясающий накопленный веками исторический и культурный материал, наконец, постоянное созерцание удивительных архитектурных творений, к тому же идеально вписанных предыдущими поколениями в местный природный ландшафт, конечно же, наложили заметный отпечаток на характер и внешнее поведение Бируте, на ее взаимоотношения с миром и людьми. Хотя сам человек зачастую, наверное, не замечает, как в течение всей жизни происходит в нем воспитание чувств, накопление знаний. Особенно, если занят делом, если нашел свое исконное место на этой земле. Внутри день и ночь исподволь идет невидимая неустанная работа – познание, размышление, выбор, анализ. Так совершается огранка души. Так незаметно обретаются сила и мудрость. Совершенствуется и крепнет разум.

Наталия возносила хвалу высшим силам, пославшим ей это знакомство. Благодаря Бируте она объездила с делегацией воронежских музейщиков почти всю Литву, вдоволь наплатив красотой и покоем глаза и сердце.

Бируте тоже жила в небольшом отдельном частном доме, чудом сохранившемся в этом районе обычных пятиэтажек советской эпохи. Поразительный факт, но Наталия в своей вильнюсской жизни обитала совсем неподалеку. Правда, Бируте, кажется, здесь поселилась позже.

Вокруг двухэтажного деревянного дома -небольшой садик, развесистые деревья, оригинально постриженные кусты, цветы, фонарики – такая невероятно милая, трогательная избирательность деталей . Внутреннее убранство дома полностью соответствовало внешнему дизайну дворика – все просто и одновременно стильно, месторасположение каждого предмета на улице и в доме выверено единой гармонией.

В этот раз они пересеклись в городе в полдень и все втроем – Бируте, Людочка и Наталия – отправились посидеть в небольшой ресторанчик "Сенаторай" ("Сенаторы"), небеса обильно поливали их дождем, поэтому выбрали уютное местечко поближе к Бирутиному музею, расположенному в центре, на площади Кафедрального собора. Людочка пила красное итальянское вино, а Наталия и Бируте, отбросив ненужные условности, остановились "на беленькой". Заедали вкуснейшими картофельными блинами, большими, пышными, подрумяненными – любимым с детства блюдом Наталии. Был канун Людочкиного отлета в Брюссель и Натальиногo отъезда в Москву. Но это все завтра, завтра, завтра. Сегодня они наслаждались общением, предавались воспоминаниям, фантазировали. Видно, уловив сумбурное чужое настроение, Бируте вдруг заговорила о возможном возвращении Наталии и Людочки в Литву, как-никак обе проживали вдали от места своего рождения. Людочка, сколько помнила Наталия, всегда увлекалась различными восточными философскими течениями, существующими системами идей и взглядов на мир и на место в нем человека, поэтому обычно легко находила нужное обоснование тому или иному шагу в своей жизни. И надо сказать, всякое ее суждение Наталии казалось убедительным, выверенным и, что немаловажно, самостоятельным.

Вот и сейчас она высказалась просто и понятно: "река жизни несет тебя вдаль, и ты проплываешь мимо самых разных берегов, а когда причаливаешь к какому-то их них, останавливаешься, делаешь передышку, все твои мысли, чувства сосредоточены на этом мгновении. Потом движение продолжается вновь, продолжается и земное твое путешествие. Живя в Бельгии, я живу той жизнью, вернусь в Литву, буду жить этой жизнью. Наверное, как-то так."

Странное дело, но в последнее время все они, выходцы из Литвы, живущие ныне в Москве, с кем Наталия раньше училась в вильнюсской школе или работала в министерстве, довольно часто вели долгие телефонные разговоры на подобную тему, сетуя на то, что не пришлось ко двору ни там, ни здесь, опять-таки в который раз вспоминая цветаевские строки "здесь слишком здесь, там слишком там". Например, чаще других они рассуждали

об этом с Ниной Евдокимовой, работавшей раньше вместе с Наталией в министерстве культуры, пытаюсь постичь непонятный феномен – их общее катастрофическое неумение счастливо совпасть с предлагаемыми судьбой обстоятельствами, полностью раствориться в окружающей действительности. Они постоянно ощущали какую-то неприкаянность. Были мучимы тайными сомнениями на свой счет. Обременены тоской по отчужденному дому и одновременно не способны были сделать окончательный выбор. В сердце они постоянно слышали какой-то тревожный далекий зов, заставлявший размышлять о собственной бесприютности на земле. Так сложилось, что все они, как правило, появились на свет в маленьких провинциальных городках, славных литовских местечках со своим особым обликом, укладом, традициями, смешением разных языков и разных обычаев. Там были их корни, и с этим ничего нельзя было поделать. Но они также постоянно чувствовали неистовый ток, пульсацию "первородной", если можно так выразиться, крови в своих жилах, ее брожение, вызывавшее неодолимое желание прикинуться и к той другой далекой земле, которая тоже была для них такой же родной. Это ощущение неразрывной связи с родиной отцов, где им, увы, не пришлось родиться и жить, вносило сумятицу в размеренное течение вполне благополучной, на сторонний взгляд, их нынешней жизни.

В такие минуты с особой остротой и болью в душе она думала о судьбе отца, невероятно изломанной, трагической, какой-то изначально горчащей, с привкусом полыни, сразу вспоминалась неизбывная грусть во взгляде, устремленном далеко-далеко, в иные пределы, за границы земли, на которой ему выпало жить, но не р о д и т ь с я.

Все повторялось. Ведь человеку никуда не деться от воспоминаний о доме, где ему довелось появиться на свет. Маленьком или большом. Бедном или богатым. И неважно на какое время – счастливое или несчастливое для страны – выпала золотая пора твоего детства. Куда важнее сохраненные навеки в сердце запахи, звуки, шорохи, шелесты, скрипы, треск поленьев в печке, щебет птиц, кваканье лягушек, лай собак по соседству, тихие речи или раскатистый смех твоих близких, мельканье на стене каких-то теней, вспышки молний за окном, солнечные блики на траве, свет зеленой настольной лампы на письменном столе отца. Это твое и только твое. Не важно, как зовут тебя – Наталией или Талиной.

Интересно, что спустя годы, когда ей выпало побывать в Эстонии и подружиться с еще одной замечательной женщиной, чудом возникшей в ее жизни в самом начале, когда Наталия только-только начала обживаться в

Москве, тут же обнаружилась любопытная общность в их судьбе. Мало того, они были на удивление похожи внешне, словно сестры – обе высокие, статные, светловолосые. Нелли Мельц, эстонка по происхождению, родилась на Урале, в Златоусте, росла там и училась в школе, поскольку ее родители отправились в свое время в далекий край на заработки. Дома они говорили по-эстонски, и когда брат вечерами играл на аккордеоне, маленькая Нэлка воочию представляла себе свое возвращение в Эстонию, в Таллинн. Она твердо знала, что обязательно вернется на родину. Взбиралась высоко на уральскую гору и пыталась разглядеть оттуда незнакомую эстонскую землю, властно призывавшую ее к себе.

Она действительно вернулась. Закончила Тартуский университет, где постигала премудрости русской словесности и других наук под руководством знаменитого Юрия Лотмана. Долгие годы возглавляла русскую редакцию издательства "Ээсти-раамат", переводила с эстонского на русский, писала стихи, потом, после восстановления независимости в Эстонии, стала издавать журнал "Таллинн", создала собственное издательство "Александра", занялась осуществлением всевозможных культурных проектов. Почти одновременно они пережили тяжелые утраты, Нелли потеряла мужа, Наталия – дочь. В страшную пору держались вместе, выживали, с головой уходя в дела, в созидание.

Тема в о з в р а щ е н и я тоже постоянно присутствовала в их разговорах. Конечно, она по-разному преломлялась в их судьбах, каждая одолевала долгий путь домой самостоятельно, в одиночку, делая выбор на свой страх и риск, выполняя дочерний долг.

Они любили бродить в сумерках по Вышгороду, заходить в разные симпатичные местные "кафешки" и потягивать там через соломинку горячее черносмородиновое вино. И конечно, говорить, говорить, говорить... Они уже давным-давно могли издать солидный том собственных разговоров, переплавив эту "словесную руду" в занимательное повествование о нескончаемых блужданиях в темноте в поисках... Чего? Да, конечно, "утраченного времени"... Лучше не скажешь.

Именно Нелли перезнакомила Наталию со множеством своих таллиннских и тартуских друзей, писателей, переводчиков, журналистов, театральных критиков, все они трудились на ниве культуры и были одержимы своей работой. С легкой руки, например, Мадиса Ярва, представителя министерства культуры Эстонии, обладавшего невероятной созидательной энергией и неиссякаемым запасом идей, Наталии удалось даже

поучаствовать в совместных интересных издательских, музыкальных и выставочных проектах. Знакомство обернулось настоящей удачей, и они с Мадисом до сих пор перезваниваются и поздравляют друг друга с днем рождения, как бы касаясь тихонько кончиками пальцев тонких, слегка позванивающих серебром нитей, протянутых сквозь города и годы.

И окно таллиннской квартиры Нелли тоже светило для Наталии особому – таким мягким, теплым, желтым приветным светом (она почему-то терпеть не могла голубоватое холодное люминесцентное свечение!). Точь-в-точь спасительное светящееся окно иллюминатора большого нарядного корабля, который вдруг возник, словно призрак, перед совсем уже отчаявшимся мореплавателем, потерпевшим крушение и теперь качающимся на волнах на каком-то жалком обломке.

Это мы, Господи!

В Москве у Наталии тоже было одно заветное, очень дорогое сердцу местечко, и находилось оно в самом центре столицы на улице Мясницкой рядом с весьма экзотическим строением прошлых лет – "китайским домиком", магазином "Чай-кофе", пережившим не одно поколение московских гурманов и эстетов и до сих пор влекущим сюда толпы страстных любителей чаепития, кофейных посиделок и, конечно, сладкоежек. Тут же и старый Главпочтамт, и новый театр "Et cetera", к тому же рукой подать до Патриарших прудов. Прогулка по здешним улицам, переулкам, бульварам, в любую погоду, в любое время суток могла вернуть к жизни совсем отчаявшегося человека, утолить все его печали, ошеломить архитектурной красотой, согреть озябшую душу невесть каким образом сохраненной атмосферой прошлой жизни. Ну, а в доме, где бывали теперь Наталия и Юрий, жили художники, как говорят, от Бога: серебряных дел мастер Людмила Копырина, ее брат Владимир, тоже художник-ювелир, его жена Любовь, занимающаяся фотографией. Тропинку в этот дом (правда, тогда обитало семейство в старинном Кисельном переулке) протоптала еще их дочь Марина, актриса и художник по батику. Этот дом манил издалека, теплый, уютный, с цветами и свечами, нескончаемыми разговорами, спорами и даже порой песнями, эдакий настоящий московский дом, вобравший в себя все лучшие старинные традиции гостеприимства, хлебосольства, товарищества!

В силу того, что круг друзей хозяев дома состоял из людей, принадлежавших к так называемой "богеме", состоявшей из известных художников самых разных жанров и направлений, талантливых мастеров-ювелиров, актеров, музейщиков, писателей, переводчиков, всякий человек,

впервые оказавшийся здесь, сразу погружался в какую-то нереальную атмосферу праздника, театра, эдакой вселенской мастерской, где собираются для совместных дел и трудов божьи работники и кудесники. Здесь была устроена и реальная мастерская, за дверью которой то и дело исчезали гости со словами: "Хочу тебе кое-что показать любопытное..." Наталия с радостью дышала этим перенасыщенным творчеством воздухом и никак не могла насытиться. Ей вспоминалось прошлое, отец, дочь, и в этих воспоминаниях не было раздирающей душу боли, горестной печали, только непонятно откуда бравшееся успокоение, тихая светлая грусть. Наверное, она просто на короткое время обретала некую мудрость, да и грех не обрести в такой компании что-то очень нужное душе, она словно прозревала, и ей явственно открывались с новой стороны простые вещи, которые еще принято называть "простыми истинами".

Какие потрясающие застолья случались здесь! Люба была завидной мастерицей по части всяких вкусоностей и разносолов. И тост "с праздником!", который всегда произносился за большим столом при появлении каждого нового гостя, Наталия давно воспринимала как благословение. Мир входящему. Мир искусству. Мир таланту, которым щедро наделяет Господь и которым не всегда удается достойно распорядиться человеку. Наталия приводила сюда и таллиннскую Нелли, о чем они до сих пор вспоминают, как о нечаянной радости.

Кроме сотоварищей по ремеслу, здесь постоянно можно встретить родственников этой сплоченной на старинный лад семьи – маму, сестер – Наташу с Урала и Татьяну из Литвы, из Клайпеды, племянников, детей, невесток, наконец, внуков, благо помещение позволяет, маленькие внуки Володи и Любы – Вовинчи и Арина – шумно, с криками, носятся, довольные, вокруг деревянной колонны с подсветкой, внося в царящую в доме атмосферу ту чудесную пронзительную нотку чистоты, без которой счастье не бывает полным.

Марина дружила с Людой, училась у нее многим важным вещам, высокому мастерству и творческим хитростям, изнуряющему трудолюбию и одержимости в работе, любви и сопереживанию своим товарищам, открытости и доверию, и она действительно многое взяла у Людмилы, многое переняла, что принесло ей успех. После случившегося несчастья именно Людмила сделала все возможное и невозможное, чтобы Маринины работы (а это батик!) были сохранены в Историческом музее и в галерее на Таганке. Она с друзьями делала персональные выставки Марининых картин,

а когда осуществлялись какие-то большие общие выставочные проекты, обязательно выставлялись и работы Марины. Многие полотна были ею пристроены-проданы в хорошие руки. Дочери вообще в ее короткой жизни очень повезло на друзей.

Вот и две красавицы – Татьяна Феоктистова и Оксана Вдовенко-Ермолаева все эти 14 лет так и остаются ее верными надежными подругами... Делают выставки, перезваниваются с Наталией, и все это, явленное внешне и внутренне, видимое и невидимое глазу, по-хорошему означает, что добро в человеческом роде не иссякает на земле под натиском агрессии, злобы, бессовестности и откровенного наглого бесстыдства.

Когда она впервые приехала в Курск на юбилей отца и побывала на его исконной родине в селе (даже точнее, на хуторе) Нижний Реутец, переступила порог разрушенного временем отчего дома Костика Воробьева с земляным полом, то прежде всего поразила тому, что это была самая настоящая южная мазанка. Почему-то этого не ожидала, в мыслях рисовалось все совершенно по-другому. Наверное, находилась в плену привычных представлений, по ассоциации с деревянным шляуляйским домом с остроконечной крышей. У нее перехватило дыхание – так мало, неказисто было внутреннее пространство. Теснота, бедность, большая семья, а тут еще маленький бастард, нагулянный невесть от кого детеныш, одним словом, лишний рот. Наталия даже заплакала от жалости и любви к этому незнакомому далекому мальчику, ее будущему отцу, которому кроме таланта от рождения ничего не было подарено судьбой.

Потом вся писательская делегация высыпала на улицу, и порыв теплого запашистого ветра с силой ударил ей прямо в лицо. Осушил слезы, успокоил, обнадежил. Больше всего обрадовало принятое местными властями решение восстановить сельский дом отца, сделав его музеем.

Пока была жива мама, именно она занималась в Курске всеми делами, связанными с возвращением творческого наследия Константина Воробьева в русскую литературу и, конечно, прежде всего возвращением самого писателя на свою исконную родину, воссоединением его со своими земляками, со своими корнями. Хотя внутренне эта связь никогда не прерывалась, наоборот, именно в ней он находил опору в черные дни плена, бесчестья, гонений, опального своего житья-бытья. Теперь-то Наталия хорошо знала и понимала, отчего так неистово клокотала в душе отца память о той земле, что зовется Курщиной. Отчего тосковал и печалился ее отец вдали от этих степных просторов, от всех запомнившихся с детства, запавших в сердце милых

примет южного певучего края, отчего ему так не хватало общения с этими голосистыми, острыми на словцо и одновременно очень открытыми, добросердечными земляками, скорыми на отклик, на сопереживание и в беде и в радости.

Возвращаясь в Москву из Курска, мама много рассказывала о тех трудностях и всевозможных препонах, которые приходилось преодолевать ей сообща с курянами, с первых дней добровольно подставившими ей свое надежное плечо, после того, как она выполнила последний наказ мужа и перезахоронила его прах на родине. Она испытывала настоящее потрясение, когда говорила о бескорыстии и бесстрашии людей, совершенно не знавших отца (только по книгам!), никогда не встречавшихся с ним в реальной жизни, но смело рванувшимися в бой за честь земляка, когда потребовалось.

Тогда Наталия воспринимала миссию матери несколько отвлеченно, отстраненно, не до конца вникая в бесконечные перипетии и сложности тех трудов, которые вершила вместе с мамой горстка курских добровольцев. Так сложилось, что по сути первоначально Наталия почти не участвовала ни в чем. К тому же оправданием был тот печальный факт, что на руках у нее в то время была тяжелобольная бабушка Мария Николаевна, перевезенная из Вильнюса. Пришлось три года не работать, ухаживая за напрочь потерявшей память бедной своей бабулечкой. Да и, честно сказать, она была уверена, что мама, обладая твердым характером и будучи от природы невероятно деятельной, целеустремленной и упорной в достижении поставленных целей, достойно со всем справится. Впрочем, так оно и случилось. Правда, теперь Наталия частенько испытывала угрызения совести по этому поводу. Все-таки о многих важных вещах она так и не удосужилась расспросить тогда маму.

Вот и с теми людьми, кто бескорыстно помогал маме на первых порах во всем, принимая на себя удары со стороны властей, общаться Наталии доводилось немного, как говорят, по касательной, да и само общение носило скорее характер некоего официоза.

Это потом, после ухода мамы, когда ей невольно пришлось всерьез вникать во все проблемы, связанные с увековечением памяти писателя Константина Воробьева на его родине в Курске, она быстро перезнакомилась со всеми и даже близко сошлась с многими из них.

Впрочем, ей повезло больше, потому что изменились времена, другие люди заняли важные посты и должности, как из рога изобилия посыпались разные идеи, появились возможности, о которых мама не могла даже мечтать.

И когда Наталия участвовала в собирании материалов для пятитомного курского издания отца, когда отстаивала в жюри покоривший ее сердце проект городского памятника писателю, автором которого стал еще один потрясающий курянин, бывший актер, а ныне талантливый скульптор Владимир Иванович Бартенев, мыслящий удивительными философскими категориями в своих неустанных вечных поисках "золотого сечения", она не просто ликовала, сходила с ума от нахлынувшего счастья, но и отчаянно взывала к тем, кого потеряла, кричала им в пустоту: "Посмотрите, все сбылось, все получилось! Только посмотрите, какое чудо происходит с отцом!"

Потом было открытие городского литературного музея на улице Садовой, где отцу отвели целый зал и где теперь стояла старая мебель из его вильнюсского кабинета, потом еще открыли восстановленный домик в Нижнем Реутце и наконец на кладбище установили новый надгробный памятник им обоим – отцу и маме – тоже работы Владимира Бартенева. Эти диковинные бартеневские сказы в камне вобрали в себя столько горьких и прекрасных подробностей из жизни ее родителей, что тут слово, во всяком случае, ее слово, бессильно и не способно выразить суть неожиданно сбывшихся надежд.

Пройдет много-много лет, сменятся поколения, возникнут новые пристрастия и новые кумиры, и она никогда уже не зажжет больше поминальные свечи у каменных ног отца, не поставит ни одной лампадки, мерцающей крохотным цветным огоньком, в каменном изголовье мамы, но пока эти творения будут стоять здесь, в Курске, Наталия была уверена, они будут взывать прямо-таки по-цветаевски: "Прохожий, остановись!" И, может быть, кто-то опять положит на постамент яблоки и грибы, как это случилось не однажды... И это будет очень важным событием для отца на все времена.

Да и место для памятника в зеленом сквере, выбранное семьей Валентины Гавриловны Григорьевич, Валентины, сегодня уже просто Вали, не иначе, как божье провидение или одно из нескончаемых таинств одухотворенной природы.

Наталия не переставала удивляться тому, как легко воплощались сегодня в жизнь замыслы, связанные с возвращением отца д о м о й. Все-таки, наверное, существует кто-то мудрый и справедливый, кто решил наконец после всех ниспосланных ранее мытарств послать отцу это отдохновение. Признание. Душевный покой для его бессмертной, навеки опаленной войной и мирской несправедливостью души.

Как будто кто-то и впрямь взял вдруг да и собрал на курской земле замечательную команду неугомонных старателей, тружеников, одержимых, сплоченных, всепонимающих, единых в своем отчаянном порыве обустроить и очеловечить этот мир. Это был урок и для Наталии. Ведь все происходило у нее на глазах.

Сегодня ей было невероятно трудно соотнести, соединить в одно целое прошлые образы людей, созданные ее воображением, немного бесплотные, размытые, и нынешние – живые, теплые, запавшие глубоко в сердце.

Валентина Григорьевич – бывший завуч школы имени ее отца, всегда подтянутая, ухоженная, красиво одетая, с гривой седых волос, немного суровая, четкая, по-учительски громкоголосая, Наталия поначалу ее даже чуть побаивалась, как будто все еще училась здесь в старших классах, слушалась во всем. Валентина – первопроходец. Создала в школе народный музей писателя, вела вместе с учениками специальные уроки по творчеству отца, организовав целое движение "за возвращение К.Д.Воробьева на родину". Наталия вспоминала все это со щемящим чувством нежности и ощущением мимолетности жизни. Сегодня Валентина Григорьевна, Валя-Валечка – первый директор Курского литературного музея, ее имя навсегда будет занесено в культурные анналы курского края. Так сложилось – всегда первая. Всегда в нескончаемой круговерти дел, музейных, общегородских, семейных. Наталия перезнакомилась и близко сошлась со всеми членами этого дружного большого семейства, очень любила внучку красавицу Ксению, так и звала ее – "красотка". Они с Валею с полуслова понимали и поддерживали друг друга во всем: будь то разработка каких-то тактических шагов и планов музейной деятельности, связанных с творчеством отца, или тихие исповедальные разговоры про то, про сё.

Наталия была несказанно благодарна всем этим людям за отзывчивость, за истинное благородство и верность данному слову, за проникновенное особенное отношение к отцу, прекрасно понимая, что ее благодарность никогда не будет соразмерна их человеческим и душевным затратам. Как и чем могла она отблагодарить Галину Павловну Огорокову, тоже родом из Медвенского района, как и Костик Воробьев, в свое время поплатившуюся карьерой за содействие маме в создании отцовского мемориала на курской земле... Чем она могла одарить Валерия Вячеславовича Рудского, руководителя Комитета по культуре Курской области, босса, человека редкой щедрости и обязательности, умного, тонкого, ироничного, пронизательного... Где найти такие слова? А настоящие чувства... Чувства

всегда не допроявлены внешне, но, может быть, именно эта невысказанность дорогого стоит, и не требуется никакой излишней трескотни, когда наши помыслы чисты, как озерная вода.

И с Наталией Амелиной, с Наташей им как-то вольготнее поговорить по межгородскому телефону, пооткровенничать, излить душу, помечтать, вспомнить, утешить себя надеждой... Наташа создала проникновенный честный фильм про отца...

А в Нижнем Реутце она вдруг обрела замечательную родственницу Галину Анатольевну Веревкину, забавно, но в этих местах все – Веревкины или Воробьевы. Галя заведует теперь восстановленным отчим домом отца, впереди превращение его в настоящий музей, а пока, приезжая сюда всякий раз хорошей компанией, они усаживаются тесным рядком за заботливо накрытый Галиной стол "под образами" точнее, под одной-единственной иконой, уставленный всякими деревенскими яствами, поминают отца и всех-всех ушедших, пытаюсь пробиться сквозь толщи времени, чтобы ощутить благодать этих дальних лиц.

Все, что связано с Курском, с Нижнем Реутцем, с Курщиной, на самом деле, конечно же, приносило успокоение душе, в то же время, когда ей приходилось выступать перед собранием курян на вечерах, посвященных отцу, в музее, на открытии памятников, презентации книг, с нею приключалась прямо-таки беда, спазм перехватывал дыхание, она не могла начать говорить, не могла вымолвить ни слова, только рыдать. Конечно, быстро собиралась с мыслями, преодолевала волнение, сбивчиво повторяя одно-единственное слово : "Сейчас... сейчас... сейчас..."

Как будто готовилась оплакать принародно все, что выпало на долю отца, мамы, на ее собственную долю. Возроптать и покаяться одновременно.

Ее часто посещала сумасшедшая мысль, что высшие силы могли бы отпустить отца сюда, на землю, а точнее, на курскую землю, всего на один день и на одну ночь, чтобы он сам все увидел собственными глазами и во всем убедился, повидавшись с теми, кто одарил его дружбой, которой ему так не хватало при жизни.

Сначала они бы сходили с Валерием Вячеславовичем в лучший в городе ресторан – для форсу! – сидели бы вдвоем за столиком, угощались, пили любимый отцом коньяк, говорили, потом быстро перешли "на ты", жестикулировали – не без театральности! – а потом взяли бы да и запели –

знай наших! Прошлись бы по ночному Курску. Мимо памятника, кстати. Вот это был бы подарок. Им обоим.

Потом отец, конечно бы, приударил за Галиной Павловной, очаровательной женщиной, сильной, умной, загадочной, во вкусе отца. И это тоже был бы подарок им обоим.

Потом отец на долгое время обосновался бы в доме Валентины и попирествовал вдоволь за ее хлебосольным столом с нею и ее славными домочадцами, она бы столько всего ему рассказала, поведала, это была очень занятная и поучительная история, потом они тоже бы и потанцевали с Валею, и попели, покричали курскими голосами народные песни. Чем не подарок!

Ему еще обязательно нужно было навестить Нижний Реутец. Повидать старую их соседку тетю Марину (здесь все Марины, недаром отец и внучку велел назвать Мариной, хотя Наталия выбрала другое имя – Ева), что до сих пор обитала по соседству, а Галю Веревкину, расцеловать за свет в глазах, за удивительную естественность, доброту и преданность, наконец, просто родство.

Ну, а потом сюда приехал бы на своем просторном джипе Владимир Иванович Бартенев, они бы сразу легко сошлись, при встрече, наверное, даже крепко обнялись. Скорее всего они вышли бы на улицу, спустились по склонам оврага, уже совсем близко подступившего к дому, подошли к протекающей внизу речке и разожгли на берегу костер. Стали печь картошку, выломав прутики, перекачивали бы горячие картофелины, закапывая их поглубже в золу и уголья. Никакая не блажь, просто отец безумно любил жечь костры и сидеть у костра ночью. А если еще у себя дома, в Нижнем Реутце... Им тоже было о чем поговорить, единокровным людям, равного таланта и схожего мышления. Ближе к рассвету они бы отправились в Курск, Володя должен был собственноручно показать отцу памятники – и тот, городской, и тот, на кладбище... На мгновение помешкав, он бы принял это решение и повел отца на кладбище, потому что памятник – это прежде всего произведение искусства, запечатленная в камне выношенная, выстраданная творческая мысль. Им обоим хорошо было известно, как это происходит, чего стоит выносить и явить людям свое детище. Они стояли бы, задумавшись, рядом, и Володя бы даже не сразу заметил, как растворилась в предутреннем туманце, исчезла в прохладном воздухе фигура отца. Просто, наверное бы, вздохнул, все понял и молча направился к машине. Пора было возвращаться к жене Ирине, к дочери Юлии, зятю Эдуарду, трем любимым внукам – Владимиру, Арсению, Ивану и малышке-внучке Валентине. Одну из своих

книг отец назвал "Цена радости". Кто-кто, а Бартенев знал, как обретается радость. Сегодня как раз выдалась такая ночь на Курщине для двух русских мужиков, не посрамивших эту землю.

Весна пришла в Москву внезапно, благо снега выпало мало, тротуары стояли чистые, сухие. Наталия чувствовала недомогание, поэтому целыми днями после работы бесцельно валялась на диване. Ее охватила какая-то непонятная апатия – никаких желаний, никаких устремлений. Спать, спать, спать...

... Она шагала по выщербленному узкому тротуару, с удивлением разглядывая одноэтажные неказистые домики из белого кирпича, что тянулись вдоль тихой окраинной улицы, временами попадались и вовсе диковинные деревянные строения, наружные стены которых были обиты черным толем.

– Господи, не может быть, не может быть, – зачарованно повторяла она.
– Господи, да разве такое бывает на свете?.. Нет, нет, это всего лишь сон...

Вскоре тротуар закончился, и она ступила на плотно утрамбованную песчаную дорожку с кое-где пробивавшимися кустиками молодой травы. Двухэтажный деревянный дом, выкрашенный в желтый цвет, возник перед глазами так неожиданно, что у нее перехватило дыхание, а сердце в груди принялось так гулко стучать, что казалось эти удары слышат прохожие. Но прохожих на улице не было. Ни единой души.

– Значит, это всё мне снится, – то ли произнесла она вслух, то ли просто подумала.

Вот и калитка с накинутым на нее проволочным ободком. Легкий скрип, потом хлопанье разошедшихся от времени и непогоды тонких жердочек – "Неужели так никто и не сподобился поставить новый забор", – опять промелькнуло в голове. Она медленно побрела по знакомой тропинке мимо изрядно потемневшей изгороди, мимо старенькой застекленной веранды, бабушка называла ее "гонкой" (литовское название, переделанное на русский лад), надо же, какие чудеса, вон даже несколько верхних цветных стекляшек – эдакий провинциальный витраж – сохранилось. Она завернула за угол дома

и сразу очутилась под окнами с массивными деревянными ставнями, не узнать которые было просто невозможно. Внезапная сильная боль в сердце не позволила ей привстать на цыпочки и попытаться заглянуть внутрь, наверное, то был знак свыше, своеобразное предупреждение о том, чего не следует делать в подобной ситуации. Еще шаг, и еще, и вот оно любимое крыльцо-крылечко с тремя каменными серыми ступенями, где так хорошо сиделось маленькой белобрысой девчонке с верным дворовым псом Джеком – черным, теплым и с большим белым пятном во лбу.

Что это? Она насторожилась, внутри дома, в проходной комнате слышались осторожные шаги... Может, почудилось? Окончательно разыгралось воображение? Нет, шаги приближались, кто-то повернул ключ в замке, и внезапно наружная дверь широко распахнулась, а в проеме возникла женская фигура – высокая, статная, в темном простом платье, только вот лица сразу не разглядеть... Что-то мешало ей внимательнее всмотреться в незнакомое женское лицо, какие-то тайные опасения, подспудный страх узнать нечто такое, чего не дано знать на этой земле обычному человеку. И в то же время она прекрасно понимала, что давно знает эту женщину, что их многое связывает и роднит, что именно о ней она вдруг вспоминала в какие-то трудные мгновения своей жизни и готова была отправиться на ее поиски... А потом опять окуналась в повседневную сутолоку, заполняя душевные пустоты никчёмной ерундой и заглушая воспоминания вселенским гомоном и беготней по кругу.

Ей захотелось броситься на шею незнакомке, обнять ее, прижаться, заплакать в голос по-детски обиженно из-за того, что эта встреча случилась так поздно. Когда уже нет времени ни на что. Она открыла было рот, чтобы выговориться прямо сейчас, все рассказать, все объяснить, покаяться и повиниться, ей хотелось, чтобы ее поняли, пожалели и простили. Но женщина остановила её скупым жестом и сама спустилась к ней по каменным ступеням. Черты ее по-прежнему было трудно уловить, разглядеть, какая-то непонятная тень скрывала лицо. Но смутная догадка уже брезжила в голове той, что явилась в конце жизненного пути к порогу отчего дома блудной дочерью, непутёвой дочерью и совсем-совсем одинокой.

– Einam, vaikeli, (1) – ласково произнесла женщина и легкой поступью двинулась к калитке.

Усталая путница, а это была, конечно, Наталия, поспешила следом. Они обе вышли на улицу и мирно направились в сторону близлежащего луга, куда обычно местные хозяйки гоняли коров на выпас, а маленькая Наташка

собирала цветы-"цветени". Вскоре вышло солнце, и всё вокруг обрело такой радостный, такой приветный вид. Воистину, то была "весна света". Прямо по Пришвину. И она вступала, как говорят, в свои права в этом замечательном крае. А конкретно в небольшом литовском городке в послевоенную пору, и городок этот звался Шяуляй.

Шли рядом, иногда касаясь плечом друг друга, в такие минуты Наталии казалось, что на губах незнакомки проступает легкая усмешка. Наконец Наталия отважилась и быстрым взглядом окинула женщину, особенно ее встревожил профиль, четко проступивший вдруг на ярком солнечном свету. В их роду такой профиль передавался из поколения в поколение... Нет, она прогнала эту мысль. Сегодня она не будет спешить. Ни с выводами, ни с объятиями, ни с расхожими фразами. Хватит, наболталась, наобнималась, напрыгалась и наскакалась, глупая легкокрылая моя стрекоза.

Перед тем, как ощутить под ногами нежный травяной покров, им предстояло одолеть небольшую песчаную проплешину. Теплый мягкий песок приятно щекотал босые стопы, взлетая веселыми песчаными струйками–фонтанчиками из-под пальцев ног, в какой-то миг она ошарашенно уставилась на свои босые ноги и с ужасом подумала, неужели добиралась из Москвы в Шяуляй босиком?! Но уже через секунду эта шальная мысль показалась ей на редкость замечательной. "Только так!" – беззвучно прокричала она в высоту.

– Талина, скажи мне... – вдруг неожиданно для себя Наталия назвала женщину по имени.

– Tylek, vaikeli, tylek... (2) – спокойно и как-то очень напевно, опять по-литовски проговорила женщина, погладив Наталию по плечу.

И они как ни в чем ни бывало улыбнулись друг другу, прервав так и не начавшийся разговор. Впрочем, на самом деле им всё было хорошо известно о судьбе одной и о судьбе другой. До самой последней мелочи. Несмотря на то, что каждая из них давным-давно жила своей особой жизнью, и обитали они в разных странах, разных городах, разных измерениях, разных временах.

Наталия жадно вдыхала весенний воздух своего детства, напоенный свежестью ранней листвы, приправленный едва ощутимой терпкостью лопнувших недавно почек на деревьях, в голове звенело от птичьего щебета, а в груди уже зарождалась странная, какая-то беспощадная и жестокая, разрывающая все внутренности боль. Чужая и такая родная навеки земля

пробуждалась ото сна и неудержимо влекла ее сейчас куда-то вниз, вглубь, в тесные неведомые толщи...

"Жаль, что я не спросила у нее, почему в Шяуляй всех Наталий называли Талинами..." – промелькнуло вдруг в гаснущем сознании.

Чья-то сухая прохладная ладонь легла ей на лоб, скользнула вниз и слегка придавила веки...

Она проснулась от собственного крика. Сердце бешено колотилось, на лбу выступила испарина. Что это было? Кажется, я научилась свободно перемещаться в пространстве, усмехнулась Наталия, постепенно возвращаясь из мира видений в реальность. Это был всего лишь сон, убеждала она себя. Но почему тогда ее не отпускает чувство какой-то все разрастающейся внутренней уверенности, что ей удалось проникнуть в чужую тайну, побывав в старом, всеми заброшенном доме на краю света. Она видела, видела своими глазами ту, которая не покинула отчий дом и тихо проживала свою невидимую жизнь вне времени, вне пространства. Наконец они свиделись. И это означало, что Талина простила их всех и Наталию тоже – за бегство, за невольное предательство, за отречение от родных стен. Может быть, они все в какой-то мере и впрямь искупили вину...

1. Пойдем, детка (лит.)

2. Молчи, детка, молчи (лит.)